

Н. М. Страшок

г. Харьков

ОЧЕРКИ-ПОРТРЕТЫ М. АЛДАНОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСТОРИСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПИСАТЕЛЯ

В статье анализируются очерки-портреты «Прокурор Фукие-Тенвиль» и «Ванна Марата», которые полностью подчинены историсофской концепции писателя.

Ключевые слова: очерки-портреты, историсофская концепция.

У статті аналізуються нариси-портрети «Прокурор Фук'є-Тенвіль» і «Ванна Марата», які повністю підпорядковані історисофській концепції письменника.

Ключові слова: нариси-портрети, історисофська концепція.

This article analyses the sketches-portraits «Prosecutor Fouqie Tenville» and «Marat's bath», which are subordinated completely to the writer's historical and philosophical conception.

Keywords: sketches-portraits, historical and philosophical conception.

Творчество Марка Алданова занимает важнейшее место в литературе русского зарубежья. Его литературный талант проявился в разнообразных жанрах, одним из которых был жанр биографии. Почти все очерки М. Алданова написаны на исторические темы. Писатель, изображающий исторические события, как правило, знает их конечный исход. Потому у него была возможность искать ответы на вопрос о предпосылках и причинах тех или иных событий, о явных и тайных пружинах истории. Для М. Алданова было крайне характерно обращение к прошлому, так как он стремился осмыслить проблемы современности и вынести урок для России, который могла бы дать ей история. Писатель делится с читателем своими мыслями, опасениями, ведь писателей русского зарубежья тревожил переворот в России, за которым последовал террор 30–40-х гг XX в.

М. Алданов, как и его современники, пытался найти причины этих событий и обращался для их объяснения к подобным периодам в прошлом. Анализ исторической концепции писателя дает основание говорить о том, что поиск причин многих событий XX в. он начинал с предпосылок Великой французской революции, среди которых, однако, он находил не только социальные или экономические. Он полагал, что люди, каждый конкретный человек, вольно или невольно совершают поступки, которые властью случая оказываются причиной больших потрясений. Потому он обращается не только к личностям, оставившим свой след в истории, но и к тем, кто, казалось бы, к совершению истории особого отношения не имеет. В его концепции они занимают свое место как те, кто подталкивал, провоцировал, участвовал в исторических событиях, может быть, сам того не подозревая, способствовал тому или иному повороту истории.

Главная мысль всех очерков-портретов состоит в том, что человек бессилён перед «потокм исторических событий, тщетностью исторических деяний» [3, с. 506]. Центральным действующим лицом истории, согласно

М. Алданову, является «Его Величество Случай». А. Кизеветтер отмечал, что «основной стихией человеческого существования Алданов считал то, что может быть названо иронией судьбы» [3, с. 177]. Как в романах, так и в очерках-портретах он несколько раз «переходил от ничтожных происшествий к громким историческим событиям и обратно» [3, с. 177]. Это свидетельствует о том, что обычные и великие люди в одинаковой степени подвергаются испытаниям и испытывают на себе иронию судьбы. Многие из выдающихся людей, которым посвящены очерки, – это «люди необычной судьбы, полузабытые в наши дни, но сыгравшие важную роль в событиях» [3, с. 502]. А. Чернышев в статье «М. А. Алданов – критик» справедливо отметил, что жанр очерка «соответствовал его склонности к политико-философским обобщениям» [2, с. 47].

Одним из участников кровавых событий 1789–1794 гг., который привлек внимание М. Алданова, был прокурор Фукье-Тенвиль (1746–1795). Он был деятелем Великой французской революции, общественный обвинителем Революционного трибунала. Прокурор оставил после себя небольшое количество документов и мемуаров, однако М. Алданову удалось воссоздать события того времени благодаря кропотливой работе в Национальном архиве, шеститомному труду Анри Валлона, Кампардона, Дюнуайе и многих других. Автор описывает биографию Фукье-Тенвиля, начиная с детства, но более подробно останавливается на его карьере. По определению М. Алданова, прокурор был холодным, замкнутым и загадочным человеком [1, с. 211].

10 марта 1793 г. Национальный Конвент декретировал создание Чрезвычайного уголовного трибунала, который позже стал называться Революционным трибуналом: «Французский революционный трибунал был создан в порядке случайном и, надо сказать, довольно бестолково» [1, с. 213]. 13 марта были выбраны его руководители: общественный обвинитель – Луи-Жозеф Фор, его заместители – Фукье-Тенвиль, Флерио-Леско и Донзе-Вертей. Фор отказался от этого предложения, и его пост занял Фукье-Тенвиль. М. Алданов отмечает, что даже великий художник Давид поддержал идею создания такого учреждения. Само по себе это событие, возможно и заслуживающее внимания, интересовало М. Алданова не только тем, что трибунал совершал скорое правосудие. Писатель проводит многочисленные параллели между трибуналом Французской революции и Военной коллегией Верховного Суда СССР: «Во всем этом была первобытная наивность, совершенно несвойственная советским учреждениям» [1, с. 213]. Он сравнивает конструкцию власти во Франции с советской, где вместо Революционного трибунала была Военная коллегия, вместо Комитета общественной безопасности – ГПУ, вместо Комитета общественного спасения – Политбюро ЦК КПСС. Работа Революционного трибунала представляла собой «несложную, удобную, быстро действующую машину для истребления врагов “вождя”» [1, с. 220]. Очеркист утверждает, что то же самое происходило и в Москве, и предсказывает: «Историки со временем выяснят, как именно передавались сталинские инструкции

Ульриху и Вышинскому. Будет прослежен весь путь, заканчивающийся в подвале на Лубянке» [1, с. 220]. Следует отметить, что он оказался совершенно прав.

В знаменитом дворце французских королей, который находится на берегу Сены, проходили самые громкие уголовные и политические процессы французской истории. У председателя, судей и присяжных были разные комнаты. М. Алданов упоминает интересный факт: «Был некоторое время присяжным заседателем 23-летний ученик Давида Франсуа Жерар, впоследствии кавалер чуть ли не всех императорских и королевских орденов Европы, наполеоновский барон и любимый портретист Людовика XVIII...» [1, с. 217]. Спустя время он очень стыдился своего участия в работе трибунала, ведь он был причастен к казни родственников всех своих будущих заказчиков и поклонников. Палачом в те времена был Шарль Анри Сансон. Писатель создает его образ – доброго, кроткого человека, который щедро раздавал милостыню бедным и при этом честно выполнял свою кровавую работу.

Образ Фукие-Тенвиля создается с помощью деталей о его работе в Революционном трибунале. М. Алданов выделяет тот факт, что общественный обвинитель много трудился «преимущественно потому, что подсудимых у него бывало всегда очень много» [1, с. 222], а его обвинительные акты были немногословны и составлены небрежно [1, с. 222]. Образ этого обвинителя является полной противоположностью образу Сперанского, которому посвящен отдельный очерк-портрет. Как полагал М. Алданов, знаменитый общественный и государственный деятель был порядочным и достойным человеком, кроме того, он обладал необыкновенным красноречием, познаниями и способностями.

В Национальном архиве внимание писателя привлекли две папки, обозначенные как W 389. Они имеют непосредственное отношение к событиям французского террора. Многие материалы из них ранее не печатались: «В те времена молва называла эту драму “красной мессой” или “делом красных рубашек” [1, с. 223]. Причину своего интереса к этой трагедии писатель объясняет уже в начале раздела: «Остановлюсь на деле потому, что оно характерно для работы Фукие-Тенвиля; другая причина – зловещее сходство с тем, что творится теперь в Москве» [1, с. 223].

Таким образом, он смотрит на события той эпохи как бы двойным зрением: изучая факты как писатель, историк-исследователь, обращающийся к архивным документам, фактам, и как человек, стремящийся понять предпосылки происходящего в России. Проводя аналогии, он лучше понимает особенности революционного перелома во Франции и то, что происходит на родине, а также пытается предсказать дальнейшее развитие событий. Так, в 1794 году 20-летняя девушка Сесиль Рено пришла к Робеспьеру с намерением с ним познакомиться. В отличие от Шарлоты Корде, которая вошла к Марату и убила его, Сесиль преступление совершить не успела: она была задержана, при обыске у нее нашли два маленьких ножика [1, с. 224]. Это дело получило широкую огласку: «Комитету

свалилась с небес манна: “Покушение на Робеспьера”!» [1, с. 224]. В результате этого процесса под суд попали 54 человека: «В развязке дела была особенность, ни разу не встречавшаяся в истории революции ни до, ни после процесса Сесили Рено: на осужденных перед казнью надели красные рубашки» [1, с. 231]. Напомним, что нападение на вождя пролетарской революции Ленина совершила Фани Каплан, которая не смогла его убить, а лишь ранила, поплатившись своей свободой, а затем и жизнью.

Писатель хоть и считал Фукье-Тенвиля нехорошим человеком, но в некоторой степени оправдывает его, полагая, что обвинитель стал жертвой неблагоприятных обстоятельств: «Фукье-Тенвиль поставил не на ту лошадь; однако лошадь он, в сущности, и не выбирал» [1, с. 233]. Случай в жизни этого человека сыграл с ним злую шутку: «В общем, это был незначительный, нехороший человек, который в обыкновенной исторической обстановке так и умер бы незначительным и нехорошим человеком. Необыкновенная историческая обстановка превратила его в “чудовище”» [1, с. 234]. При описании событий 9 термидора М. Алданов также проводит аналогию с событиями 25 октября 1917 года. Он был убежден, что «до последней минуты все висело на волоске» [1, с. 234]. М. Алданов осознавал, что выражает не историческую, а “поверхностную” точку зрения, однако оставался при убеждении, что «... роль его величества случая в таких делах всегда огромна и почти не поддается учету. Огромна была она и во Франции 9 термидора: имели здесь значение бесчисленные случайности, большие и малые...» [1, с. 235]. Фукье-Тенвиль окончил жизнь на эшафоте почти через год после 9 термидора. Однако его роль во времена Великой французской революции огромна, ведь именно он приводил в исполнение все судебные процессы. Прокурор был одним из важных звеньев большой машины «смерти», которая благодаря его усилиям работала исправно и эффективно. Фукье-Тенвиль не был Робеспьером или Маратом, но его роль в революции сложно переоценить. Именно так революция в России постепенно «пожрала» и своих «детей»: те, кто участвовал в ее совершении, творили скорый суд. Вскоре они сами были казнены, репрессированы, сосланы. Плодами русской революции воспользовались другие.

Очерк «Ванна Марата» привлекает внимание, прежде всего, семантикой заглавия. Как известно, именно в этом прозаическом предмете убранства ванной комнаты и завершилась его жизнь. Один из предводителей Великой французской революции, радикальный журналист, он был одним из наиболее ярких сторонников якобинского террора, известным под прозвищем «друг народа», полученным в честь газеты, которую он издавал. Портрет-очерк начинается с описания картины музея восковых фигур, изображающей сцену убийства Марата. Но писатель совершенно не согласен со скульптором Бернштамом, поскольку обнаруживает в его картине много неточностей. Ее левая часть вполне правдива, в то время как правая – полностью выдумана: «Эта восковая фотография одной из самых драматических сцен в истории производит немалое впечатление» [1, с. 125]. Внимание писателя притягивают не восковые фигуры, а сама ванна, ведь именно в ней был убит

«друг народа» Марат. Весь первый раздел посвящен изучению вопроса подлинности ванны. М. Алданов склонен думать, что это все же оригинал, и в этом вопросе полагается на мнение историка Ленотра и картину Давида, которая, однако, не вполне точна. Безусловно, писателя интересовала ванна не как резервуар для купания: она была символом исторического культа, который сложился во Франции вокруг фигуры Марата после его смерти.

Если сравнивать убийство Марата с другими политическими убийствами, то оно не выделяется своей значимостью и последствиями: «... за исключением убийства Юлия Цезаря, быть может, ни одно другое историческое покушение не поразило так современников и потомство. Для этого было много причин – от личности убитого и убийцы до необычного места действия: ванной комнаты» [1, с. 127]. Во втором разделе М. Алданов описывает обстановку, в которой жил Марат со своей женой. Как и в других очерках, М. Алданов то и дело проводит параллели с советской Россией, большевиками, Лениным и его соратниками. Как и они, Марат вызывал ожесточенные споры. Несмотря на то, что писатель называет «друга народа» своеобразным человеком и низко оценивает его писательский талант, он отмечает также и его достоинства, такие, как трудолюбие, большие знания, энергичность и прочее. В этом смысле Марат – тип революционного деятеля, сходного с другими революционерами, прежде всего, русскими, которые также были людьми необычными, обладавшими как несомненными талантами, так и недостатками, которые, однако, никак не извиняли в глазах М. Алданова тех зверств, к которым привели совершенные ими перевороты.

Большую ценность в понимании мировоззрения М. Алданова представляют его взгляды на революцию, которые он частично изложил в этом портрете-очерке. Писатель оспаривает утверждение о том, что революция – это великая переоценка ценностей. Он полагал, что этим занимаются еще до революции такие мыслители, как Вольтер, Дидро, Герцен, Толстой: «Революция – великое социальное перемещение, оценка и переоценка людей, для которых она создает новые масштабы деятельности: для одних из маленьких большие, для других из больших маленькие» [1, с. 131–132]. В качестве примера М. Алданов приводит Ленина и Марата: «Если б Ленин умер в 1916 г., то в подробных учебниках русской истории ему, может быть, отводились бы три строчки. Для людей, подобных “другу народа”, революция – это миллионный выигрыш в лотерее, – иногда, как в анекдоте, и без выигрышного билета» [1, с. 132]. Убийство Марата очеркист описывает достаточно кратко, но более подробно останавливается на его культе, распространившемся во Франции после убийства. Писатель проводит аналогию между этим событием и смертью Ленина. Он полагал, что во Франции оплакивающие Марата люди терпеть его не могли. В России смерть Ленина была горем для народа, но никак не для Троцкого, Сталина и Зиновьева. Очеркист с большой иронией говорит о карьере, например, Троцкого: он «... при жизни Ильича был “вторым в Риме” и, наверное, не мог предвидеть, что после смерти Ленина станет первым в деревне (на Принкипо)» [1, с. 138]. Народная скорбь во Франции, как и в России, была

настолько велика, что повсеместно лепились бюсты «друга народа», художники писали картины, поэты сочиняли стихи. М. Алданов не видит ничего удивительного в таком почтении памяти Марата. Его удивило то, как быстро менялись настроения народа: «В Меце неожиданно вышла необычайно резкая брошюра-прокламация о Марате <...> Автор брошюры придумал ловкий ход: основываясь на старых дореволюционных писаниях “друга народа”, он изобразил его роялистом!» [1, с. 143]. М. Алданов называет основной чертой революций – почти всеобщий панический страх перед «тем самым народом, именем которого революции творятся» [1, с. 143]. Народ перестал оплакивать Марата и начал питать к нему ненависть: «И культ тотчас как рукой сняло: всем стало ясно, что “друг народа” был в лучшем случае – сумасшедший, а в худшем – совершенный злодей» [1, с. 143]. Таким образом, М. Алданов нашел подтверждение своим взглядам относительно революций и ценностей, которые меняются также быстро, как и формируются в условиях определенного режима и времени. Аналогии с Маратом позволили ему проанализировать особенности культа Ленина в России и проследить положение других русских революционеров, которые вынесли из Французской революции много уроков.

Библиографические ссылки

1. Алданов М. Портреты: в 2 т. / Марк Алданов. – М. : «Захаров», 2007. – Т. 1. – 688 с.
2. Чернышев А. М. А. Алданов – критик / А. Чернышев // Литературное обозрение. – 1994. – № 7–8. – С. 47-79.
3. Чернышев А. Четыре грани таланта Марка Алданова / А. Чернышев. // Алданов М. А. Истоки: Избранные произведения: в 2 т. – М. : Изд-во «Дружба народов», 1991. – Т. 2. – С. 494-507.

Надійшла до редколегії 26.04.12